

А. А. Кострюков

**Начало «духовной весны»
или восхождение на Голгофу?
(проблемы 1917 года
на страницах периодической печати
военно-духовного ведомства)**

Статья посвящена проблемам церковной жизни 1917 г., освещенным на страницах журналов военно-духовного ведомства. Военные священники являлись наиболее образованной и прогрессивной частью русского духовенства, а потому их мнение заслуживает особого внимания. Вместе с тем глава военного духовенства протопр. Георгий Шавельский предоставлял возможность высказываться на актуальные темы и другим авторам, среди которых были такие яркие личности, как еп. Андрей (Ухтомский), будущие сщмчч. Николай Добронравов и Иоанн Артоболевский, философ В. В. Зеньковский и др. Авторы анализировали причины упадка церковного влияния на народ, предлагали пути преодоления возникших проблем. Особое внимание уделялось Московскому собору и вопросу восстановления патриаршества.

ключевые слова: Православная российская церковь, Святейший синод, Московский собор 1917–1918 гг., Временное правительство, военное духовенство, патриаршество.

Русская церковь в XX в. перенесла несколько волн гонений, различных по жестокости, методам преследования, количеству погибших и тонкостям мотивировок. Количество жертв первой из этих волн, относящейся к 1917–1920 гг., до сих пор точно не определено. Так, авторы сборника «Следственное дело Патриарха Тихона» говорят об 11 тысячах репрессированных за веру, из которых 9 тысяч пострадало до смерти [*Следственное дело*, 15]. Особенностью первой волны гонений являются внесудебные расправы, казни священнослужителей как заложников, убийства по социальному принципу, санкционированные местными коммунистическими властями. Положение в стране усугублялось эпидемиями, экономическим кризисом, голодом.

На этом фоне могут показаться довольно странными слова известного духовного писателя С. И. Фуделя, который в своих мемуарах дал довольно неожиданную характеристику церковной атмосфере этих лет:

Это была жизнь скудости во всем и какой-то великой темноты, среди которой освещенный своими огнями плавал свободный корабль Церкви. В России продолжалось старчество, то есть живое духовное руководство Оптиной пустыни и других монастырей. В Москве не только у о. Алексия Мечёва, но и во многих других храмах началась духовная весна, мы ее видели и ею дышали [Фудель, 69].

Итак, с одной стороны гонения, несправедливость, нищета и смерть. С другой стороны — «духовная весна», ощущение простора, на который вышел церковный корабль. Это ощущение для С. И. Фуделя было связано с освобождением церкви от синодального бюрократического гнета, от духа «казенщины», чуждого ее нормальной жизни.

Началом «церковной весны» стал февраль 1917 г. В ноябре этого года должны были пройти выборы в Учредительное собрание, страна жила в ожидании парламентской республики, не подозревая, что ждет ее в октябре. Хотя до октябрьского переворота уже имели место аресты духовенства и увольнения иерархов с кафедр, все же февральские события расценивались определенной частью церковного общества не как трагедия, а как начало расцвета.

Несмотря на наличие ряда серьезных работ на тему церковной жизни и церковно-государственных отношений в 1917 г.¹, исследователи пока не уделили должного внимания периодической печати военно-духовного ведомства — «Вестнику военного и морского духовенства» и журналу «Церковно-общественная мысль». Этот незамеченный пласт источников интересен тем, что отражает позицию наиболее прогрессивной части русских священников. Военных пастырей, наравне с академическим духовенством и ученым монашеством, можно считать интеллектуальной элитой Российской церкви. Однако в отличие от ученого монашества военные священники были близки к народу, а в отличие от основ-

1. См., например, работы: [Ковырзин 2006; Ковырзин 2008; Кривошеева 2005; Кривошеева 2008; Rogoznyy; Российское духовенство; Современники; Соловьев].

ной массы приходских пастырей имели дело не с малообразованными крестьянами, а с грамотными солдатами и матросами.

Попасть в ряды военного духовенства было непросто — для этого священник должен был обладать высоким уровнем образования и быть хорошим проповедником. Требования к желающим поступить в ведомство ужесточились после того, как в 1911 г. протопресвитером военного и морского духовенства стал Георгий Шавельский — энергичный пастырь, постаравшийся поднять уровень своего ведомства на новую высоту. Это хорошо заметно по публикациям в «Вестнике военного и морского духовенства»: после 1911 г. на его страницах стали появляться аналитические статьи, в том числе и на пастырские темы, полемические материалы².

Протопресвитер Георгий Шавельский оценивал ситуацию в стране достаточно трезво, предвидя новые потрясения. «Берегите себя, — писал пастырь генералу Куропаткину 7 декабря 1914 г., — Вы еще очень нужны будете. России предстоит огромная работа во всех отраслях ее жизни. Если прошлая война всколыхнула ее и двинула далеко вперед, то эта всколыхнет еще больше» [РГВИА, 10–10 об.].

После Февральской революции протопресвитер был освобожден от должности, но уже в начале мая 1917 г. вернулся к своему служению [Шавельский, 472–476]. Пастырь попытался приложить максимум усилий для того, чтобы воспрепятствовать разложению армии. Он привлек в нее опытных проповедников, среди которых были будущий архиеп. и сщмч. Петр (Зверев), прот. Иоанн Егоров [РГИА, 50, 52], свящ. Валентин Свенцицкий [Свенцицкий, 79]. Также к проповеди были привлечены священники Александр Введенский и Александр Боярский [РГИА, 29–32], известные впоследствии своим участием в создании обновленческого раскола.

Еще одно важное решение протопресвитера — преобразование «Вестника военного духовенства» в журнал «Церковно-общественная мысль». Журнал выходил в Киеве с июля по декабрь 1917 г., всего вышло 12 номеров. В 1–8-м номерах журнал имел подзаголовок «Прогрессивный орган военного и морского духовенства», начиная с 9 номера (от 25 ноября) подзаголовок был снят.

2. Весьма интересной представляется, например, полемика по вопросу о том, как должен относиться пастырь к явному попустительству безнравственности в войсках со стороны военно-

го начальства — молчать и «делать карьеру» или протестовать и обрекать себя и свою семью на бедность и скитания по «медвежьим углам» (см.: [Кострюков]).

Протопресвитер Георгий Шавельский привлекал для работы в периодике не только военных пастырей, но и других авторов, пытавшихся в своих статьях разобраться в ситуации и указать церкви правильные пути. Список авторов разнообразен. Среди них были еп. Андрей (Ухтомский), прот. Николай Добронравов, прот. Иоанн Егоров, свящ. Иоанн Артоболевский, философ В. В. Зеньковский и др.

Одной из важных тем, освещенных в периодике военно-духовного ведомства, был вопрос об отношении церкви к Февральской революции. В настоящее время можно услышать обвинения в адрес духовенства, что оно составило заговор против императора и в последующие дни не отстаивало монархические идеалы [Бабкин, 137, 139, 149]. В действительности документов и материалов, которые подтверждали бы наличие заговора, не имеется. Тот факт, что большая часть духовенства действительно не выступала в поддержку монархии после февраля 1917 г., объясняется иначе. Дело не только и не столько в привычке церкви безропотно идти за событиями, сколько в том, что она сама оказалась под ударом. Будучи прочно связанной с царской властью, церковь рисковала стать жертвой гонений и старалась отмежеваться от самодержавия.

Периодика военно-духовного ведомства подтверждает, что апология царской власти была принципиально невозможна — на фоне всенародных антимонархических настроений духовенство было вынуждено оправдываться не только за политическую поддержку свергнутой династии, но даже и за то, что *молилось за царя*. Протоиерей Евгений Кондратьев, например, защищал факт молитвы за государственную власть ссылкой на апостольский завет^{*1}. Моление за царя пастырь объяснял тем, что власть нужно просвещать и молитва этому способствует. «В таком смысле были молитвы Церкви о царствовавшем императоре, таковы же будут они и о тех благоверных правителях, коих угодно будет Промыслу Божию поставить над нашим народом», — писал протоиерей [Кондратьев, 142–143].

Синодальный строй авторы «Церковно-общественной мысли» порицали, по-видимому, совершенно искренне: во-первых, он поработил церковь, во-вторых, серьезно дискредитировал ее. «Усилиями самой злой воли, — возмущался прот. Евгений Капралов, — нельзя было придумать более... верных средств к упразднению нашего авторитета в глазах церковного общества... чем те, какие применяла старая власть к русскому духовенству. Бюрократическая деспотия сверху донизу закрепостила весь

*1 1 Тим 2 :1–2

церковный строй, взвалила на наши плечи гнетущее бремя обязанностей, чуждых пастырской совести» [Капралов 1917а, 8].

Периодика не могла обойти вопрос относительно того, что привело Церковь и царскую власть к кризису. Это особенно интересно по той причине, что после октябрьского переворота такой анализ почти отсутствовал.

Позиция «Церковно-общественной мысли» была однозначной: церковь была дискредитирована подчиненностью самодержавию. «Паства религиозно жила в сиротливом одиночестве и слагала свое церковное сознание в уродливых формах суеверий, изуверства или полуязыческого обрядоверия», — с горечью писал один из авторов [П. К., 27].

Особенно ярким и до сих пор не теряющим актуальности представляется мнение еп. Андрея (Ухтомского). Иерарх считал, что государственное вмешательство в дела церкви нанесло ей удары на всех уровнях — от высшего руководства и до самых низов. Ситуация усугублялась еще и тем, что церковь воспринималась властями как государственное ведомство. Вместо служения Богу началось служение царской администрации. Епископ Андрей писал:

Если государственная власть решала, что нужно «помочь» Церкви, то она помогала только иерархии и тем отдаляла ее от верующих мирян; наделяя церковную иерархию нецерковными атрибутами, государственная власть в корне подсекала церковную жизнь: пастыри перестали знать свою паству, а паства перестала любить своих пастырей. Государственная власть в самые важные минуты церковной жизни считала нужным вломиться в церковную жизнь и, нисколько ее не понимая, только все в этой жизни портила, в конце концов расшатав все ее устои. <...> Служение Божией правде было подменено служением правде царской, а потом и смирение пред неправдою царскою было объявлено добродетелию.

Результат такой «помощи» государства привел к тому, что церковь для многих стала лишь формальным институтом.

Цезаропапизм поставил церковную жизнь в ее общественном проявлении на край гибели. Церковного общества у нас почти не существует. Иначе говоря, нет Церкви как общества, а имеется только толпа христиан, и то лишь числящихся христианами, а на самом деле о Церкви не имеющих понятия. Сравните сейчас количество молящихся даже в большие праздники и число празднующихся по улицам и вы ужаснетесь: на десятки богомольцев вы насчитаете десятки тысяч людей атеистически настроенных и ни о чем

не думающих. И жизнь почти разрушена, а поэтому и церковь как храм интересует каких-нибудь старушек и специальных «мироносиц», как людей, настроенных несколько психопатологически. Самая церковная молитва обратилась теперь только в служение молебнов и «панихидок», а сколько-нибудь литургийно-общественного настроения совсем нигде нисколько не заметно [Андрей, 3–4].

С иерархом соглашался и прот. Евгений Капралов:

Мы внутренне религиозно чужды друг друга, христиански не связаны один с другим. Мы имеем храм, богослужение, праздники, обряды, службы, Христа, пастырей и учителей. Но разве, скажите, у нас есть жизнь христианская, разве есть *братство*, союз *любви* для органического *взаимообщения*? Ничего этого нет [Капралов 1917б, 5–6].

На страницах издания прямо говорилось, что церковь неспособна к подлинному духовному возрождению России. «Принудительное пребывание в православии, — писал, например, В. Соколов, — бездеятельность церковного общества, созданная режимом, сделали свое дело и религиозное равнодушие — удел многих числящихся по паспорту православными» [Соколов 1917б, 9]. Автор считал, что проекты по возрождению церкви, идущие сверху, не будут успешны, надеяться можно только на организацию небольших групп на местах, которые смогут возродить духовность.

Слова церковных авторов не были пустым звуком. Вместо победных реляций о церковной жизни началась констатация печальных фактов.

«Церковно-общественная мысль» с прискорбием отмечала равнодушие основной массы населения к церковным проблемам вообще и к готовящемуся Собору в частности. Протоиерей Иоанн Егоров, сетуя вслед за Писаревым и Мережковским, что русский человек любой разговор сведет к вопросу о хлебе или о деньгах, отмечал, что Собор мало кого волнует, а в выборщики попали случайные люди [Егоров, 7–9]. В этом с прот. Иоанном Егоровым был согласен протопр. Георгий Шавельский, который писал в своих мемуарах, что депутаты часто понятия не имели, как надо голосовать, и смотрели как голосует привезший их на Собор архиерей: «Каждый из таких членов следил за своим архиереем: встанет он или будет сидеть? Если же случалось, что такой член-простец поспешно вставал, а его владыка не поднимался, то и этот член спешил опуститься в свое кресло» [Шавельский, 485–486].

Равнодушие к церковной жизни было далеко не единственным и далеко не самым печальным фактом на фоне других событий. Вместе с констатацией этих фактов пастыри допускали и жесткое обличение, до февральских событий совершенно немыслимое. Будущий сщмч. Иоанн Артоболевский с возмущением писал о поведении солдат нашей армии на занятых территориях Австро-Венгрии. Пастырь напоминал, что когда-то общественность собирала и выставляла напоказ сведения о зверствах немцев. Но теперь эти свидетельства надо сжечь, так как «в Тарнополе и Калуце мы превзошли их, немцев, своими зверствами» [Артоболевский, 9].

В те месяцы фиксировались и другие преступления. В частности, петроградские раввины обращались к Собору по поводу осквернения русскими солдатами синагог в Галиции и Буковине. «Величайшая наша святыня, — говорилось в послании, — пергаментные свитки завета (Тора) — осквернялись, разрывались на части и из них выдвигались предметы обихода — непромокаемые плащи, сумки, рукавицы, барабаны и проч.» [Хроника, 28].

Собор в ответ на это призвал духовенство в проповедях разъяснять преступность кощунства, а также всяких насмешек и глумлений над чужими верованиями, а митр. Тихон (Беллавин) направил письмо главнокомандующему с просьбой принять меры для предупреждения подобных явлений в будущем [Хроника, 28]. Могло ли это помочь? Вопрос риторический, общее падение религиозности и нравственности, о котором задолго до 1917 г. предупреждали русские мыслители, нельзя было остановить в одночасье. В данном случае нет разницы, чью святыню осквернял «христоробивый» воин в 1917 г. — неуважение к чужой святыне непременно означает и безразличие к своей. Начав с ветхозаветных свитков (которые святы и для христианина), вчерашние воины перешли затем и на православные церкви. Спустя всего несколько лет европейские рынки будут переполнены древними иконами, в моду войдут шахматные доски, сделанные из потемневших старых образов, где черными клетками станут остатки древней иконописи [Лихачев, 211–212].

«Еще верующие русские люди! От Бога отошла Россия! С правдою покончила... Хочет без Бога и правды Божией устроиться на земле!» — горестно обличал происходящее прот. Иоанн Егоров [Егоров, 10]. В таком духе оценивал обстановку в стране и прот. Павел Светлов: «На наших глазах совершается изгнание Христа из России... <...> ...Совершается восхождение Церкви на Голгофу» [Светлов 1917б, 12–13].

Выход из плачевной ситуации «Церковно-общественная мысль» видела в новом воцерковлении страны. Авторы констатировали, что даже среди верующих огромен процент тех, кто православия не знает. Человек может всячески порицать инославную догматику, но изложить при этом учение Церкви он не может [Соколов 1917а, 3–6]. Вместе с тем у церкви почти нет защитников. Протоиерей Павел Светлов предсказывал, что Россия (еще вчера «Святая Русь») может мгновенно превратиться в безрелигиозное государство. Священнослужитель видел такую опасность после полного отделения церкви от государства Учредительным собранием и возмущался тем, что если левые партии в этом отношении очень активны, то правые партии, которые, казалось бы, должны защищать прежний порядок, совершенно равнодушны [Светлов 1917а, 14–15].

Епископ Андрей (Ухтомский) приравнивал отделение церкви от государства к отделению народа от совести. Исчезнет последнее препятствие для выхода злых сил: «Был у нас один Распутин до 1917 г., теперь мы переживаем целое народное бедствие — сплошное распутинство» [Письмо, 25].

Архипастырь предрекал, что «оружие, находящееся в руках нашего “христолюбивого воинства”, обратится только на самоистребление, когда “постановят” сначала истребить буржуев первой степени, а потом будут грабить тех буржуев, у которых только имеются лишние сапоги» [Письмо, 26].

Новый расцвет церкви, по мнению авторов «Церковно-общественной мысли», немислим без возрождения соборности. В. В. Зеньковский писал, что после падения царской власти поддержки от государства не будет, Церковь должна рассчитывать только на себя. Соборность, по мнению философа, — единственный выход.

Пока не изменится весь церковный строй, пока не разовьется начало соборности, составляющее самую душу Церкви, пока не войдет в церковную жизнь выборное начало и не создадутся условия проявления активности у народа, — вообще, пока не будут осуществлены именно внешние реформы, до сих пор не поднимется во всем своем сиянии, в полноте своей силы Православия на Руси [Зеньковский, 19].

Зеньковскому было понятно, что идет внутренний распад России, но возрожденная на основе соборности церковь может объединить нацию.

В этом контексте следует рассматривать и отношение авторов журнала к Московскому собору 1917–1918 гг. Наиболее известным из деяний этого Собора является восстановление патриаршества. Протопресвитер Георгий Шавельский, а вслед за ним и авторы журнала, относились к противникам этой идеи.

Накануне Собора вопрос о восстановлении патриаршества даже не поднимался, и если где-то и возникали такие предложения, они тут же подвергались критике в печати. На самом Соборе вопрос стал подниматься лишь на фоне нарастания политической напряженности.

К сожалению, в настоящее время полемика относительно восстановления патриаршества подается односторонне, его противники представлены не с лучшей стороны. На самом деле в составе обеих партий было немало достойных людей. Среди противников патриаршества, выступавших на Соборе, были, например, сщмч. Николай (Добронравов), мч. Иоанн Попов, профессора В. В. Завитневич, П. П. Кудрявцев [*С Церковного Собора, 24*]. Немалая часть выдвинутых ими аргументов также нашла отражение на страницах «Церковно-общественной мысли».

Так, возражая против ссылки сторонников патриаршества на 34-е апостольское правило («Епископам всякого народа подобает знать первого из них и признавать его как главу»), прот. Николай Добронравов говорил, что народов в России много и если следовать этому правилу, то в стране может появиться несколько национальных патриархов, например, Московский, Украинский, Сибирский и т. д. [*Добронравов 1917б, 18*].

Отвергая аргумент, что в патриархе мы обретем одного любящего отца, прот. Николай Добронравов указывал, что такие идеи навеяны католицизмом. «Единый отец», по словам о. Николая, — «католический недоносок». Пастырь приводил и множество примеров того, что патриархи в истории вели себя отнюдь не по-отечески по отношению к своим народам, например, в Османской империи дружили с янычарами и достигали благодаря этим связям больших высот. Протоиерей Николай приводил в пример Константинопольского патриарха Григория и Иерусалимского патриарха Анфима, осудивших восстание греков против турок. Последний в своем «отеческом наставлении» назвал стремление греков к свободе «делом сатанинским, лишаящим вечного блаженства». Протоиерей указывал, что иерархия привыкла приспосабливаться к властям, а потому церковное единоначалие принесет только вред [*Добронравов 1917а, 17–22*].

Интересно наблюдение профессора Петра Павловича Кудрявцева, считавшего, что за идеей восстановления патриаршества стоит прежде всего стремление иметь лидера в борьбе с государством. Со временем это приведет к угасанию соборности.

Вспомните, с каким пафосом говорят у нас про патриаршество, а когда речь заходит о соборности — пафос остывает. Говорю про большинство ораторов. <...> ...Нельзя не испытывать тревоги за то, что с учреждением патриаршества соборное начало будет мало-помалу ослаблено и даже совсем подавлено... <...> Вы вводите патриаршество в то время, когда готова начаться борьба церкви с государством. В лице патриарха вы хотите иметь председателя в этой борьбе [Кудрявцев, 10–11].

Часть противников патриаршества опасалась, что патриархом станет архиеп. Антоний (Храповицкий) — консерватор и монархист. «Церковно-общественная мысль» считала, что «пафоса в сторону патриаршества было бы меньше, если бы отсутствовал такой кандидат на патриаршую кафедру». Звучали опасения, что избрание архиеп. Антония будет восприниматься как вызов государству, а церковь будет обвинена в попытках вернуть монархический строй.

Журнал отмечал, что перед голосованием о восстановлении патриаршества его противники настаивали на отсрочке, так как:

1. На заседании было мало членов Собора — многие не явились из-за обстрелов.
2. Избрание не было поставлено в повестку.
3. Отсутствовала разработанная техника избрания.
4. Поставление патриарха дело не только Москвы, но и всей России [Восстановление, 25].

Однако избрание патриархом митр. Тихона в значительной степени успокоило соборное меньшинство. «Любит Господь нашу Церковь, — с облегчением во всеуслышание сказал тогда протопр. Георгий Шавельский, — не допустил Он архиепископа Антония до патриаршего престола» [Шавельский, 489].

Участники Собора, конечно, не могли предположить, сколь чудовищными будут гонения на церковь и не представляли всех ухищрений, которые богоборческая власть будет применять против верующих. Только по прошествии времени стало очевидно, что аргументы противников патриаршества, логичные для правового государства, при богоборческом режиме вообще потеряли смысл. Так, например, отсутствие единоначалия не помеша-

ло красному обновленчеству прийти к полному сервилизму. Что касается соборности, то она успешно подавлялась атеистическим режимом вне зависимости от того, находился ли во главе церкви патриарх или он отсутствовал. История показала, наконец, что патриарх действительно явился символом единства Русской православной церкви, когда ОГПУ насаждало расколы.

Авторы «Церковно-общественной мысли» в большинстве своем разделили трагическую судьбу церкви. Протоиерей Николай Добронравов, выступавший против восстановления патриаршества, смирился с состоявшимся избранием, в дальнейшем был верен патриарху Тихону, принял монашество, стал архиепископом. Священномученик Николай (Добронравов) был расстрелян на Бутовском полигоне в 1937 г. Причислен к лику святых и прот. Иоанн Артоболевский († 1938), также принявший смерть за Христа.

Миссионерский и просветительский пафос еп. Андрея (Ухтомского) и прот. Иоанна Егорова приобрел сомнительные формы. Епископ Андрей ради соединения со старообрядцами помазал себя беглопоповским миром, отказался признать Патриаршего местоблюстителя митр. Петра (Полянского) и был им запрещен. Епископ Андрей был расстрелян в 1937 г. Протоиерей Иоанн Егоров, искренне увлекшись христианизацией народа, тоже перешагнул грань канонов и традиций. В 1920 г. он был запрещен в священнослужении патриархом Тихоном, но прещений не признал, продолжая служить. В 1921 г. реформатор умер от тифа [*Балакшина, 177–181*].

Протоиерей Евгений Капралов служил в Киеве, подвергался арестам, к 1930-м гг. был близок к сщмч. еп. Макарию (Кармазину), выступавшему против компромиссов с коммунистической властью. Протоиерей Евгений умер 6 декабря 1933 г.

Проанализировать случившуюся в стране трагедию, дать оценку всему произошедшему могли, пожалуй, лишь те, кто оказался в эмиграции, в частности, В. В. Зеньковский, принявший священный сан и ставший профессором Свято-Сергиевского института в Париже, а также протопр. Георгий Шавельский.

Находясь в Болгарии, протопресвитер намного спокойнее оценивал Собор и восстановление патриаршества. Хотя в своих мемуарах о. Георгий посвятил архиереям немало критических строк, патриарх Тихон остался одним из немногих, о ком протопресвитер отзывался с неизменной теплотой.

В эмиграции протопр. Георгий Шавельский ярко и вдумчиво подвел итог трагедии Российской церкви. В своей работе «Лукавые дни» он писал:

Всякая Церковь может быть сильна

- а) богатством своего внутреннего содержания,
- б) богатством духовных сил составляющих ее членов,
- в) любовью и преданностью ее членов.

Все прочее, как количество верующих, размеры территории, внешнее богатство и прочее, составляют прикладную часть, получающую полную ценность лишь при наличии первых трех условий [ГАРФ, 1 об.].

Как мы видим из истории XX в., внутренние богатства Русской православной церкви были огромны — на смерть пошли десятки тысяч православных христиан, немало было и подвижников — преподобных и праведных. Однако все же мощь злых сил перевесила доброе, и церковь была фактически разгромлена. Количество православных христиан, готовых идти за Христом до конца, оказалось не столь большим, как казалось до революции, а материальное богатство церкви обратилось в прах. Остается надеяться, что предупреждения авторов «Церковно-общественной мысли» будут услышаны хотя бы сейчас.

Источники

1. *Андрей* = Андрей (Ухтомский), еп. Цезаропапизм наизнанку // Церковно-общественная мысль (ЦОМ). 1917. № 5. С. 3–5.
2. *Артоблевский* = Артоблевский Иоанн, свящ. Жизнь и ее уроки // ЦОМ. 1917. № 9. С. 9–11.
3. ГАРФ = Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1486. Оп. 1. Д. 12.
4. *Егоров* = Егоров Иоанн, прот. Поместный Собор и русский человек // ЦОМ. 1917. № 7. С. 7–10.
5. *Добронравов 1917а* = Добронравов Николай, прот. К вопросу о восстановлении патриаршества в Русской Церкви // ЦОМ. 1917. № 10. С. 17–22.
6. *Добронравов 1917б* = Добронравов Николай, прот. Нужен ли нам патриарх? // ЦОМ. 1917. № 9. С. 18–22.
7. *Зеньковский* = Зеньковский В. Дума Церкви о родине // ЦОМ. 1917. № 1. С. 19–22.

8. *Капралов 1917а* = Капралов Евгений, прот. Наше горе // ЦОМ. 1917. № 1. С. 5–10.
9. *Капралов 1917б* = Капралов Евгений, прот. Принцип соборности и живая жизнь // ЦОМ. 1917. № 3. С. 5–6.
10. *Кондратьев* = Кондратьев Евгений, прот. Старый строй и Православная Церковь // Вестник военного и морского духовенства (ВВиМД). 1917. № 5–6. С. 142–143.
11. *Кудрявцев* = Кудрявцев П. Наши разногласия по вопросу о патриаршестве // ЦОМ. 1917. № 10. С. 10–11.
12. *П. К.* = П. К. Перед Пасхой православно-русской Церкви // ЦОМ. 1917. № 1. С. 25–27.
13. *Письмо* = Письмо епископа Уфимского Андрея к А. Ф. Керенскому // ЦОМ. 1917. № 7. С. 25–27.
14. *РГВИА* = Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4006.
15. *РГИА* = Российский государственный исторический архив. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10114.
16. *Российское духовенство* = Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году : Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / Сост. М. А. Бабкин. М. : Индрик, 2008. 632 с.
17. *Светлов 1917а* = Светлов Павел, прот. Религия и государство // ЦОМ. 1917. № 3. С. 14–19.
18. *Светлов 1917б* = Светлов Павел, прот. Христианство, как культурная сила // ЦОМ. 1917. № 7. С. 12–18.
19. *Следственное дело* = Следственное дело Патриарха Тихона : Сборник документов. М. : ПСТБИ, 2000. 1016 с.
20. *Современники* = Современники о Патриархе Тихоне : В 2 т. / Сост. и авт. ком. М. Е. Губонин. М. : ПСТГУ, 2007. Т. 1. 719 с. ; Т. 2. 719 с.
21. *Соколов 1917а* = Соколов В. О лике Православия // ЦОМ. 1917. № 10. С. 3–6.
22. *Соколов 1917б* = Соколов В. Творческие силы // ЦОМ. 1917. № 4. С. 7–10.
23. *Фудель* = Фудель С. Воспоминания // Он же. Собр. соч. : В 3 т. Т. 1. М. : Русский путь. 2001. 648 с.
24. *Хроника* = Хроника // ЦОМ. 1917. № 6. С. 28–30.
25. *С Церковного Собора* = С Церковного Собора // ЦОМ. 1917. № 7. С. 23–24.
26. *Шавельский* = Шавельский Георгий, протопр. В школе и на службе : Воспоминания. М. ; Брюссель : Conference Sainte Trinité du Patriarcat de Moscou ASBL ; Екатеринбургский мужской монастырь, 2016. 824 с.

Литература

1. *Бабкин* = Бабкин М. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархизма (начало XX в. — конец 1917 г.). М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2007. 542 с.
2. *Балакшина* = Балакшина Ю. В. Иоанн Егоров : Православие и жизнь в нем // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2010. Вып. 2. С. 156–181.
3. *Ковырзин 2006* = Ковырзин К. К вопросу о реформировании церковно-государственных отношений в России после Февральской революции // XVI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета : Материалы. Т. 1. М. : ПСТГУ, 2006. С. 109–114.
4. *Ковырзин 2008* = Ковырзин К. Поместный Собор 1917–1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008. № 4. С. 88–97.
5. *Кострюков* = Кострюков А. Скорби «строевого капитана» (военное духовенство в предреволюционную эпоху) // 1917-й: Церковь и судьбы России : К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона : Материалы международной научной конференции (Москва, 19–20 ноября 2007 г.). М. : ПСТГУ, 2008. С. 43–56.
6. *Кривошеева 2005* = Кривошеева Н. А. К вопросу о времени восстановления в правах митрополита Арсения (Мацеевича) и бывшего священника Григория Петрова // XV Ежегодная богословская конференции ПСТГУ : Материалы. Т. 1. М. : ПСТГУ, 2005. С. 334–337.
7. *Кривошеева 2008* = Кривошеева Н. Поместный Собор 1917–1918 гг. глазами участников // 1917-й: Церковь и судьбы России : К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона : Материалы международной научной конференции (Москва, 19–20 ноября 2007 г.). М. : ПСТГУ, 2008. С. 170–177.
8. *Лихачев* = Лихачев Д. Мысли о жизни : Воспоминания. СПб. : Азбука-Аттикус, 2014. 477 с.
9. *Рогозный* = Рогозный П. Церковная революция 1917 года : (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб. : Лики России, 2008. 224 с.
10. *Свенцицкий* = Свенцицкий А. Они были последними? М. : Грааль. 1997. 189 с.

- II. *Соловьев* = Соловьев Илья, свящ. Восстановление патриаршества в Русской Православной Церкви: pro et contra // 1917-й: Церковь и судьбы России : К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона : Материалы международной научной конференции (Москва, 19–20 ноября 2007 г.). М. : ПСТГУ, 2008. С. 107–117.

A. A. Kostryukov

The Beginning of “Spiritual Spring” or an Ascent to Calvary? (the 1917 Problems in the Periodical Press of the Department Military Clergy)

The article considers the problems of church life in 1917 covered in the journals of the Military Clergy department. Chaplains were the most educated and progressive part of Russian clergy. Therefore, their opinion deserves particular attention. Alongside this, Protopresbyter G. Shavelsky, the head of military clergy, allowed other authors to remark on relevant topics. Among these authors were such outstanding people as Bishop Andrey (Uhtomsky), Saint Priests and martyrs Nikolay (Dobronravov) and John Artbolevsky, philosopher B. Zenkovsky and others. The authors of the journal analysed the reasons of decline of the church' influence on people and offered the ways of solving the arisen problems. The special attention was paid to Moscow Council and the issue of restoring the Patriarchate institution.

KEYWORDS: Orthodox Russian Church, Holy Synod, 1917–1918 Moscow Council, Russian Provisional Government, Patriarchate institution.